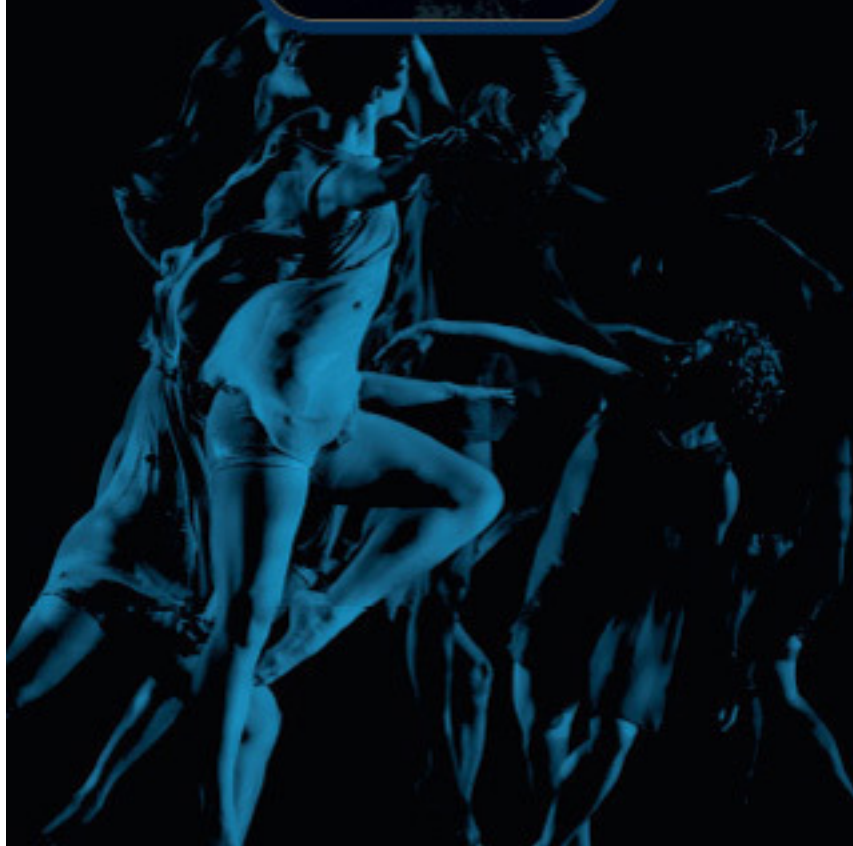

Глеб Павловский

СИСТЕМА РФ

В ВОЙНЕ 2014 ГОДА

*De Principatu
Debili*

Глеб Павловский

**Система РФ в войне 2014
года. De Principatu Debili**

«Европа»

2014

Павловский Г. О.

Система РФ в войне 2014 года. De Principatu Debili /
Г. О. Павловский — «Европа», 2014

Книга De Principatu Debili («О слабом княжестве») – эссе об истоках российского государственного поведения, написанное известным политическим консультантом. Форма текста необычна – 26 добавлений к трактату Никколо Макиавелли «Государь». По аналогии с 1914 годом, автор оценивает глобальную ситуацию как предфронттовую. Его тревожит вопрос – готова Россия к войне и к победе в ней? Ответ критичен и парадоксален: Система РФ слаба, но необычайно гибка и планетарно «вёртка». Основываясь на личном опыте, Глеб Павловский считает нашу слабую государственность стратегически неуязвимой в мирные времена и готовой к военным.

© Павловский Г. О., 2014

© Европа, 2014

Содержание

Пояснение формы	5
Предисловие	6
Сколько видов бывает Россия и где ее границы	8
О правлении и правах на Систему РФ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Глеб Павловский

Система РФ в войне 2014 года. De Principatu Debili

Пояснение формы

Эта книжка не относится к напрасным попыткам состязаться с Макиавелли. В основе ее – недельный досуг на Валдайском форуме (за что я так признателен организаторам) и «Государь», брошенный в сумку при отъезде ввиду 500-летнего юбилея. Бродя по залам и аллеям Форума с гостями, я слишком много болтал. Все кружилось вокруг Путина, России и ее слабости. В конце концов, не сделать ли из этого книжицу, что-нибудь вроде *manual*? Я долго не находил, как собрать вместе десятки разъяснений и реплик. Пересекаясь и повторяя тему, всякий раз они давали ей чуть другое развитие. И вдруг дурная манера черкать на книжных полях подсказала мне способ организации текста – дополнениями в глоссах к 26 главам «Государя».

Но вот затруднение. *Il Principe* Макиавелли посвящен мужам доблести, *virtù* – столь далеким от нас. Мое эссе о слабых мужах и Системе, возникшей по слабости, – уместно ли тут имя Князя? Ту версию, которой ныне исполнилось 500 лет, сам Макиавелли поначалу назвал иначе – *De Principatibus*, или *О Княжествах*. С двойной поправкой на слабость РФ и ее единственность я назвал эту книжечку *О слабом княжестве – De Principatu Debili*.

Надеюсь, покойник не в обиде за шутку, которая не притязает на повторное открытие реальности, им открытой. Вопрос, однако, в том, где искать политику в наши дни? Как могло сложиться и действовать государство, лишенное *virtù*, составленное из слабых сил и взаимных захватов? Вопрос риторический для того, кто живет и далее намерен жить в Системе РФ.

Предисловие

Я предупреждаю: эта книжка не про войну. Те, кто ждет фантазий про войны, здесь не найдут ничего. Война возникает из накопленных обстоятельств, их профиль непредсказуем. В условиях глобализации каждая война обладает планетарным потенциалом развертывания; бен Ладен и Буш-младший показали это вполне. Но, говоря о Четырнадцатом годе, я имею в виду горизонт войны похуже иракской или сирийской.

Годна ли к войне мировых масштабов Система Российской Федерации? Буду злоупотреблять здесь термином *Система РФ*. Он точнее, чем имена-идеалы *Государство Российское* или *Россия*, использовать которые в роли определений – ошибка, ведущая к путанице.

Читателю может показаться, что автор не одобрял своего предмета, – ничего подобного. У Системы РФ есть много причин накрыться, но политических нет. Политически наша модель неуязвима. Русское пространство не может сохраняться, не порождая себя заново как планетарную вещь. Отсюда нужда в учреждении государственности, не переходящем в государство. И что такое Система РФ, как не вечный двигатель порождения суверенитета на одном и том же месте?

Россия слаба как государство, имея слабые основания для поддержания суверенитета. Кроме одного – Команда, играющая «в Россию», превратила учреждение государства в вечный процесс. Не дав состояться нации, она и пространству не дает проглотить государственность целиком.

Система РФ, рожденная в отчаянии, существует реально и неплохо снабжается. Ее не понять из суммы ее подсистем, зато она объяснима, исходя из ее поведения. РФ не станет демократией при самом жарком желании иной Команды. Те, кто пересоздаст Систему РФ в нечто другое, реакционное или либеральное, и в этом случае ограничатся благом для малой доли населенного пространства. Какой именно? Это выяснится не раньше, чем будущая Система придумает, что продавать миру. Хотя пшеница, лес, нефть и калий для нее лишь материальные поводы торговать Россией как целым. РФ, конечно, всего лишь обширная торговая фактория. Но что это – форма разрыва с миром или союза с ним?

Можно вообразить себе Систему РФ сильной? Представимо ли вообще сильное государство на пространствах русского Евро-востока? У меня нет ответа, и прецедента нет. Но ответ будет найден на пересечении осей нашей слабости, изворотливости и радикализма. В постпутинском мире, где мы станем еще слабей, опыт выживания в этой Системе нам пригодится. Слабость ее этому не помеха. Во всяком случае, иного мирового очага для нас нет. Если у русских когда-то будет свое государство, оно сложится из Системы РФ.

Государь, тень которого иногда падает на листы этой книжечки, – не тень великого «Принца» Макиавелли, а тень отсутствующего суверена. Суверен Системы придет не затем, для чего его призывали. Он дожидается своего момента. Оpoznать его можно, лишь действуя подобно самой Системе.

Система РФ не худшее из всего, что могло появиться вместо СССР. Возможно ли было что получше – не знаю, а худший вариант есть всегда, в чем и Макиавелли с нами согласится. Так или иначе, русские в 1991 году открыли временный способ увернуться от кары за слабость. А увернувшись единожды, увертывались еще и еще, пока верткость не стала нашим боевым стилем. Увертки от мировых вызовов отыскивают все новые ресурсы для нашего выживания. Да, речь идет о слабости, а не о силе.

О гигантском ансамбле человеческих слабостей, которые мы и не пробовали преодолеть в настоящем государстве.

Как рассеянные люди пропускают свою остановку, Россия упустила государственный шанс и с тех пор все его репетирует. Подобно перманентной революции Троцкого – Сталина,

мы затягиваем акт учреждения государственности. Суверенитет Системы РФ – это мировая машина ее перманентного учреждения заново. Оттого нехотя доверяем тому, кто от имени учредительной власти взял территорию под свое руководство и, *сдерживая Россию*, от ее имени торгует, отстегивая кое-что нам, как оптовик старухе-огороднице. Но ведь ничего годного нами не создано, кроме одного – вот этой самой Системы.

Ее устройство оригинально, глобально, хитро. Оно обеспечивает странную жизнь полутараста миллионам человек, о которых почти не знает. Она вносит вклад в мировую экономику – не намного лучшим путем, чем хлопковые рабы Алабамы в будущее Америки. Россия подобна глобусу, – это, в сущности, обратная сторона Земли. Достаточно обширная, чтобы не иметь эталонов, по которым можно себя построить. (Зато сколько надрывных воспоминаний о том, как нам не удалось этого сделать!)

Мы видим действия неимоверно слабые, запрещенные в серьезной политике. Но они не ведут к тем кошмарным последствиям, которых по справедливости заслужили. (Иногда здорово, что история несправедлива, не так ли?)

Ни Карамзин, ни Толстой, ни Ганди не признали бы нашего существования достойным. Однако Система работает. Да, она ужасна, но она действует! Таков наш способ найти силы в пространстве, где единую силу построить нельзя, а о других мы не догадались.

Я озабочен поведением Системы, а не ее устройством. Я вижу неуклюжее и опасное, но дорогое мне существо. Его страхи и даже преступления его мне близки. Почему бы не рассмотреть этот *kludge* невообразимых размеров как полуодушевленный объект, собрание населения и пространств? Система РФ – пузырь второй глобализации. Теперь, когда глобализация на излете и Система заканчивается с ней. Но ведь мы ищем не смерти – мы ищем, как уцелеть.

На мой взгляд, Четырнадцатый год ведет Систему к войне. И в той войне у нас есть не только шанс уцелеть, но, что еще удивительней, снова оказаться с правильной стороны. Вот пока все, что я могу сказать о Слабом княжестве и войне Четырнадцатого года.

Сколько видов бывает Россия и где ее границы

Памяти Фонда эффективной политики

Дополнение первое к главе

Сколько видов бывают государства и как они приобретаются

Все государства являются республиками, теократиями или диктатурами, но Россия не государство, а *государственность*. Система РФ приобретена доблестью Команды, а сохраняется подкупом и милостью Судьбы.

гlossa а: Система РФ является не государством, а государственностью – таков порядок распоряжения пространством в ее границах.

Вызов пространства тяжел для государственных образований на этой земле, от Московского царства и Российской империи до Советского Союза и РФ. Ответом на вызов становятся все более эксцентричные модели государств. Система РФ следует тренду государственной эксцентрики. Она еще удивительней, чем Советский Союз, хотя и не более великолепна, чем тот.

Все российские государственные системы отвечали критерию пространственной неопределенности. Советский Союз, достигнув полного признания лишь незадолго перед исчезновением, до конца не отказывался судить порядок жизни других народов. Эта вечная брешь в легитимности позволяла злостно приписывать КПСС цель мирового господства. Система РФ также имеет трудности в отношении с пространством.

Сохраняется проблематичное отношение к восточным русским землям. Пространственная идентичность власти обрывается на Урале. То, что там дальше, – это «очень далеко». Наводнение на Амуре, катастрофичное для тысячекилометрового макрорегиона, воспринимают слабей, чем подмосковный пожар на торфяниках. Иллюзорна московская вера, будто высылка неугодных граждан за Урал решает вопрос о них. (Эту иллюзию власть делит с населением.)

Слово «регион» значит «где-то в глуши», «региональный» означает «второстепенный». Кавказ запальчиво трактуют как «*наши южные регионы*», но место, жителям которого нельзя «наглеть». Пусть живут у себя, а оказавшись в Москве, ведут себя незаметней. Как и русские земли за Уралом, оставаясь «нашим», Кавказ не смеет быть кем-то.

Верно и обратное: человек, оказавшись южнее Сочи, перестает существовать для Системы как вполне значимый населенец.

Новая травма и сама территория РФ, сильно урезанная в сравнении с Советским Союзом. Ответом государственного мышления стал семиозис *ближнего зарубежья*. Размывая ясность того, что же такое Россия, термин облакает неясность в дипломатичную увертку. Ближнее зарубежье – это безграничное пограничье РФ, куда ее политика втягивается, перестав быть внутренней и не становясь внешней. Братство народов ближнего зарубежья в их взаимной десевернизации одного другим. Зато на оклик *русские земли* вся Система тревожно вздрагивает, как при вражеском посягательстве.

гlossa б: Пространство России – это резерв отступления для ее властей. Власть могла сдать любой рубеж или ценность, объявив это отходом перед наступлением, виной правительства либо премьера. А при сдаче объявить чрезвычайное положение – по Карлу Шмитту, такова прерогатива суверена. Впрочем, Шмитт имел дело с очерченными странами – неочерченных стран Европа не знает, а Россия как раз такова. Система РФ не принадлежит целиком одно-

именной стране России, а как бы пересекает ее. *Трансверсальность* для этого, пожалуй, верное слово, поскольку обозначает пересечение линией зоны иных пространств, построенных отличным от нее образом.

Система не является повсеместной, но кажется таковой. Между тем она лишь форсированно безальтернативна в некоторых не всегда главных ее точках.

Преимущество здесь не у тех, кто управляет пространством. Оно у того, кто в любом месте сумеет создать чрезвычайное положение. Такой становится владыкой неопределенности и сувереном, даже когда он всего-навсего губернатор, то есть назначенец при кошельке.

У связи слабого героя с пространством есть еще сторона – сдерживать Родину, ничего не решая. Гигантское пространство России воспринимается как успешно прихваченное, хотя оно издавна сложившаяся реальность. Власть переживают как удачную интригу на перехват. Отсюда ребячливый цинизм, именуемый в Кремле «геополитикой»: кто сгреб, тот и съед. Верят, что у всех дела ведутся так же. Франция шлет войска в Центральноафриканскую республику? Париж хочет схватить ЦАР, из Москвы это «очевидно». Американцы хотят «схватить» Сирию, а если выйдет, прихватить и Украину.

Култ хапка кричит о слабости правообладателя. Собственность считается в Системе РФ завладением, ненадежным с правовой точки зрения и технически обратимым. Собственностью поэтому не управляют – ее *крепят по периметру*, пока не пришли отбирать. На календарях Кремля – вечное «22 июня», с одной поправкой: все не нужное для защиты Родины надо быстрее продать.

Ненасытность, странная для повелителя безмерным пространством! Но ведь обладатель еще не собственник, и он сам не знает, кем ему быть. Голод Москвы не нацелен на внешние земли, его питает неясность с русскими. Стратегия РФ обращена всегда внутрь, а не вовне – одни трудности ее экспортируются. Аппетит к У к раине лишь повод скрыть, насколько нам, в сущности, неинтересна Россия.

О правлении и правах на Систему РФ

Дополнение второе к главе

О наследственном единовластии

Систему РФ не назовем ни преемственной, ни новой. И хотя правопреемство Союзу ССР отягчило власть, раздавив гражданские институты, оно стало и по сей день остается успешным бизнесом мирового класса. Бенефициаром его справедливо считают Команду РФ.

гlossa а: Система РФ – это государствообразный *kludge*: ансамбль социальных, легальных и параллельных структур. Начало ему положили опасные выборы 1996–2000 годов. Удачная негласная предвыборная договоренность, она и в дальнейшем продолжила разработку любой конъюнктуры. Ключевой состав кадров проекта сохранен, хоть многие потеряли свою роль и влияние. Пятнадцать лет спустя эта группа все еще именуется *Командой*.

Источником власти в Системе РФ является Команда, делегирующая объемы власти на места. Казначейская система отвечает структуре власти: деньги идут в центр и там распределяются. Но центр и есть Команда. А бюджетный процесс переплетен с наделением властными полномочиями. Управление бюджетом – вот единственное управление государством, а казначейская дисциплина – единственный вид дисциплины в стране.

Команда не была бы признана никем в РФ, не приобрети она финансовую власть.

Приватизирован ли и сам государственный бюджет? Да, как собственный инструмент Команды. Допуск к бюджету через межбюджетные отношения и госзакупки и есть основной акт власти.

В зените власть Команды часто совмещалась с ее конституционными мандатами. Потом выяснили, что это необязательно. Сегодня совпадение полномочий Команды с институтами государства случайно. Она не рассматривает требования закона как непреложные, но обращает их легитимность на себя. Легитимность в Системе РФ не принадлежит конституционным процедурам, а переносится на действия распорядителя ими.

В Системе РФ легитимность институтов перенесена на Команду, не стесняя ее права менять институты либо вовсе их отменять.

Команда не связана институтами, но склонна с ними играть. Случайность прихода к власти посредством выборов превратили в порядок удержания власти в одних руках, а институты остались в роли подручных устройств. Коррумпируя институты, Команда полагается на параллельные структуры. Участки вероятного публичного сопротивления она обходит, расправляясь с ними позже средствами параллельного государства. Институты, скалькированные с чужеземных, стали засадами для простаков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.